

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Выпускающая кафедра общего языкознания

Жолобова Мария Викторовна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Ассоциативное поле «счастье» в языковом сознании сибиряков (система работы по изучению языкового сознания в школе)

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование
(с одним профилем подготовки)

Направленность (профиль) образовательной программы:

Русский язык

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
зав. кафедрой общего языкознания
Мамаева Т.В., доцент, доктор
филологических наук

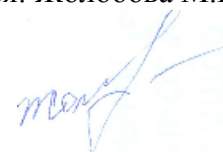
(дата, подпись)

Научный руководитель:
Васильева С.П.
профессор,
доктор филологических наук

(дата, подпись)

Дата защиты 2.07.2020
Обучающийся: Жолобова М.В.

18.06.2020

(дата, подпись)

Оценка _____

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ.....	6
1.1. Ассоциативное поле как междисциплинарное понятие	6
1.2. Ассоциативный эксперимент и его роль в формировании ассоциативного поля.....	11
1.3. Языковая картина мира и концепты в контексте ассоциативного поля.....	16
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	26
ГЛАВА II. ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «СЧАСТЬЕ» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	29
2.1. Анализ ассоциативного поля «счастье» на базе Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири	29
2.2. Специфика репрезентации ассоциативного поля в региональном языковом сознании сибиряков.....	36
2.3. Исследование данных ассоциативного эксперимента обучающихся старших классов общеобразовательной школы при использовании слова-стимула «счастье»	38
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	53

ВВЕДЕНИЕ

Исследования на стыке нескольких научных дисциплин проводятся относительно непродолжительное время, они активизировались в мировой науке во второй половине прошлого, и особенно интенсивно – в нынешнем столетии. Среди отечественных исследователей вопросам исследования ассоциативных полей и отображенной в них языковой картины мира посвящены труды А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова, А.А. Леонтьева, А.С. Поршневой, Е.А. Сермягиной, Е.Ф. и М.Е. Тарасовых. Среди зарубежных авторов анализ обозначенного явления представлен в работах М. Хайдеггера, Л. Вайсгербера, Б. Мак Ленана и др.

Вместе с этим следует отметить, что язык, используемый определенной нацией или этносом, служит зеркалом его ментальности и культуры. Последние, в свою очередь, оказывают влияние на содержание концептов – ментальной проекции элементов культуры. Счастье представляет один из базовых эмоциональных концептов универсального характера, в том или ином виде присутствующих в каждой культуре и каждом языке. Тем не менее, при всей своей универсальности в каждом языке эмоции характеризуются определенной спецификой вербализации, что обусловлено свойственной человеку субъективностью интерпретации окружающего мира. В связи с этим, **актуальность исследования** обусловлена тем фактом, что, несмотря на масштабные исследования языковых картин мира и ассоциативных экспериментов как способов их познания, специфика вербализации базовых концептов характеризуется территориальной и региональной вариативностью, что и требует дальнейшего изучения.

Объект исследования – фрагмент языкового сознания по данным свободного ассоциативного эксперимента.

Предмет исследования – ассоциативное поле «счастье» в ассоциативном словаре жителей Сибири.

Цель исследования – анализ реакций-ассоциаций ассоциативного поля «счастье», полученных в результате свободного ассоциативного эксперимента и представленных в Электронном ассоциативном словаре Приенисейской Сибири.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть ассоциативное поле как междисциплинарное понятие.
2. Описать ассоциативный эксперимент и его роль в формировании ассоциативного поля.
3. Проанализировать языковую картину мира и концепты в контексте ассоциативного поля.
4. Охарактеризовать ассоциативное поле «счастье» на базе Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири.
5. Исследовать данные ассоциативного эксперимента обучающихся старших классов общеобразовательной школы.

При написании работы были задействованы такие **методы исследования**, как анализ теоретической литературы по теме исследования, метод сравнения, синтез, метод контент-анализа, свободный ассоциативный эксперимент как метод психолингвистического исследования, метод семантического анализа ассоциаций, а также метод статистической обработки данных.

Материалом исследования послужили данные Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири.

Гипотеза исследования: ассоциативное поле «счастье», рассмотренное на базе Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири, отображает фрагмент региональной языковой картины мира, одну из базовых культурных и ментальных ценностей регионального сознания.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что данное исследование обобщает и систематизирует сведения из общей теории психолингвистики, выявляя закономерности конструирования

ассоциативного поля на языковом материале, а также расширяет информацию о роли и специфике функционирования ассоциативных полей.

Практическая значимость исследования представлена возможностью привлечения полученных результатов в ходе преподавания курсов по психолингвистике, этнической психологии, социологии и другим смежным наукам. Кроме того, полученный материал теоретического и практического характера может быть задействован на уроках русского языка в школе, а также в старших классах лингвистического профиля.

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

В первой главе рассмотрены теоретические предпосылки исследования ассоциативного поля: дается определение понятию «ассоциативное поле», характеризуется ассоциативный эксперимент как метод психолингвистических исследований, определяется его роль в формировании ассоциативного поля. Также в контексте ассоциативного поля рассматриваются такие понятия как «языковая картина мира» и «концепт».

Вторая глава посвящена сопоставительному исследованию ассоциативного поля «счастье» на базе Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири, учитывая специфику его репрезентации в региональном сознании. Кроме того, в данной главе рассматриваются и анализируются данные ассоциативного эксперимента обучающихся старших классов общеобразовательной школы при использовании слова-стимула «счастье».

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, в кратком виде указываются его основные результаты, обозначаются перспективы последующих исследований.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

1.1. Ассоциативное поле как междисциплинарное понятие

Понятие «ассоциация» в терминологическом значении начало формироваться еще в античный период. Аристотель, например, заметил, что определенные образы могут возникать в сознании человека без явной внешней причины, то есть фактически являются продуктами ассоциаций. Автор предлагает классификацию на основе сходства, временной последовательности и контраста. Согласно Платону, воспоминающее ассоциации, основывается на сходстве и смежности. Рожденная философской мыслью идея получила развитие в различных научных направлениях:

– Р. Декарт использовал понятие ассоциации для понимания того, как человек овладевает собственными страстями;

– Б. Спиноза с помощью ассоциации пытался объяснить отдельные особенности движения мысли;

– Гоббс обращался к ассоциации, исследуя и объясняя смежности чувств в пространстве и времени;

– Д. Гартли считается основателем системы ассоциативной психологии [Зинченко 2003, с. 440].

В подобном современном терминологическом значении термин «ассоциация» впервые использует Дж. Локк, считавший, что при образовании сложных идей ассоциации приводят к возникновению случайных, произвольных мыслей или объединению представлений (предрассудков, страхов и т.д.). Предметом непосредственного исследования ассоциации стали благодаря формированию ассоциативной психологии (Д. Беркли, Д. Юм, Т. Браун). Ассоциации стали рассматривать как средства взаимосвязи проявлений замкнутого в себе сознания.

Представители британской школы (В. Вундт и др.) в XIX веке пытались исследовать естественную «историю духа», считая элементарными единицами сознания чувства и их сохраненные копии – простые идеи или представления. И уже в этот период Г. Эббингауз начал использовать для исследования психических функций экспериментальные методы [Шульц, 1998, с. 528]. Развитие ассоциативной психологии в XX веке связывают с именами И.М. Сеченова и И.П. Павлова, описавших психологические основы и физиологические механизмы ассоциаций. Важно, что последний из ученых объяснял ассоциации по смежности во времени и пространстве образованием условных рефлексов, тогда как ассоциации по сходству – генерализацией. Павлов экспериментально доказал, что ассоциации тормозятся и угасают при отсутствии биологической или социальной опоры условно-рефлекторной связи. Постепенно общепризнанным становится мнение, что «ассоциация – это в целом не столько «механизм», сколько явление, – конечно, фундаментальное, само собой требующее объяснения и раскрытия своих механизмов» [Зинченко 2003, с. 440].

Не случайно, хотя и значительно позже по сравнению с философами, ассоциации заинтересовали лингвистов. Рассматривая язык как «дух народа», а ее функционирование как деятельность духа, В. фон Гумбольдт поставил вопрос о сосуществовании объективного и субъективного в языке, возможности взаимопонимания между людьми: говорящие «касаются одних и тех же клавиш инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не аналогичные смыслы» [Гумбольдт, 1977, с. 166]. Под инструментом духа В. фон Гумбольдт понимает язык, звуки которого физически воспринимаются будто одинаково, но вызывают у разных людей тождественную умственную реакцию. Понимание обеспечивается за счет соотношения звукового образа с одним и тем же предметом или явлением действительности. И хотя словом «ассоциация» философ-лингвист не оперирует, очевидно, что индивидуальные смыслы связаны с ее участием в осознании значения.

Философия языка В. фон Гумбольдта отразилась на дальнейшем развитии языкознания, сформировав идеи младограмматики и структурализма. Усвоив уроки младограмматиков с их принципом индивидуального психологизма в языке, основатель Женевской лингвистической школы, реформатор лингвистики Ф. де Соссюр сумел заглянуть значительно глубже. Он стремился все, в чем выражено определенное состояние языка, свести к теории синтагм и теории ассоциаций. Синтагматические и ассоциативные отношения, так сказать, сосуществуют на разных уровнях осознания в различных формах. Синтагматические – это линейные отношения двух или более единиц, ассоциативные – нелинейные отношения с непредсказуемым количеством единиц и последовательностью их появления в памяти. Вне речевого процесса слова в памяти структурируются в группы, где формируются различные отношения на почве ассоциаций. Ассоциативные группы создаются не только на основе связей, основанных на общности, индивидуального разума и восприятия говорящих, охватывая также и ситуативный характер связей, возникающих в каждом отдельном случае, в связи с чем в сознании создается столько ассоциативных рядов, сколько имеется различных разнонаправленных отношений [Соссюр, 1977, с.154-158].

В отечественном языкознании ярко идеи психологической лингвистики представлял А.А. Потебня. Для него лексическое значение является отражением в мысли (в мышлении, сознании) общих представлений говорящих по важнейшим признакам понятия о реалии, названной словом. Будучи формой мысли, слово имеет еще и собственную внутреннюю форму, которую автор называет «представлениями человека о собственном мнении» [Потебня, 1999, с. 300]. Очевидно, что в понимании А.А. Потебни внутренняя форма – это ассоциация с определенной реальностью (объектом, явлением, признаком, действием), возникающая у говорящего в связи с какой-то другой реальностью по ведущим признакам.

Непосредственно опирались на такую особенность человеческой психики, как ассоциативность мышления и восприятия, представители Казанской лингвистической школы, в частности И.А. Бодуэн де Куртенэ и Н.В. Крушевский. Первый связывал с ассоциативностью теорию фонемы, последний – проблему асимметрии семантики слова. Н.В. Крушевский связывал овладение лексиконом языка с ассоциативными связями между словами, утверждая необходимость ассоциативного подхода к проблеме значения, ведь слово живет одновременно и по лингвистическим, и по психическим законам, поскольку мир слов отображает мир мыслей, а в мире мыслей действует закон ассоциаций [Крушевский, 1883, с. 64]. Представляется особенно значимым, что ученый рассматривает не только собственно лингвистические ассоциации слов как знаковых единиц, а и учитывает экстралингвистические ассоциации, возникающие между обозначенными словам-реалиями: вторые в определенной степени детерминируются первыми и наоборот.

Таким образом, учеными предыдущих периодов развития науки в основном была осмыслена потребность исследования ассоциации как особенности человеческого сознания, а также сформировано понимание термина «ассоциация». Благодаря этому нынешние ученые не подвергают сомнению необходимость изучения ассоциаций. Чрезвычайную важность этого подчеркивает Б.Ф. Ломов: «... ассоциация – это психическая реальность, и ее исследование такое же важное, как и исследования других реальностей» [Ломов, 1984, с. 111]. Современному научному взгляду на ассоциации присущ системный подход. Ассоциация – это связь, возникающая при определенных условиях между двумя и более психическими образованиями (чувствами, восприятиями, идеями и т.д.). Актуализация ситуации связана с действием такой связи, когда появление одного члена ассоциации регулярно вызывает появление второго (или других). Психологической основой ассоциации считается условный рефлекс. Ассоциативные связи имеют глобальный характер и интегрируют все типы

вербальных и межвербальных связей. Однако глобальность основывается на чисто субъективном и индивидуальном характере ассоциаций, специфику которых обнаруживает носитель языка.

Собственно, ассоциации отдельных носителей становятся движущей силой семантических изменений в языке. Например, в современном русском литературном языке состоялся так называемый семантический сдвиг в семантической структуре слова «контора». Постепенно произошло значительное «накопление» количества ассоциаций, связанных с бездействием соответствующих организаций, бюрократизацией, сознательным торможением действий их работниками, вызвавшие понятие «контора», что привело к появлению негативных коннотаций в значении этого слова. Зато стало широко употребляться английское заимствование «офис», обусловившее разграничение синонимических понятий (и слов) не только по оценке, но и по содержанию: контора – организация, учреждение, где не всегда должным образом организована работа / несовременное помещение для работы соответствующего учреждения; офис – организация или учреждение, а также помещение, соответствующие современным стандартам организации работы.

Воспринимаемое слово (стимул, своеобразный раздражитель) порождает в нашем сознании поистине безграничную систему связей и отношений, воссоздающих образы предметов, явлений, понятий, действий, слов, наше эмоциональное состояние в данный момент, а также все то, что отложилось в жизненном опыте индивида. Объективное исследование субъективных ассоциаций, возникающих у носителей языка в связи с теми или иными реалиями (бытовыми, нравственными, экономическими, политическими и т.д.) может быть обеспечено благодаря применению метода свободного ассоциативного эксперимента, речь о котором пойдет в следующем параграфе.

1.2. Ассоциативный эксперимент и его роль в формировании ассоциативного поля

В психологии ассоциативный эксперимент рассматривается как особый метод исследования мотивации личности [Зинченко 2003, с. 26]. Он дает возможность выявить ассоциации, которые сложились у индивида в его жизненном опыте. Впервые ассоциативный эксперимент был проведен в XIX веке. Эксперимент, как утверждает Е.И. Горошко, имел целью исследовать индивидуальные особенности человека, то есть использовался как тест для исследования личности [Горошко, 2001, с. 27]. В ходе ассоциативного эксперимента респонденту предлагается слово-стимул, которое выбирается в зависимости от круга исследуемой проблематики. Ассоциация, появляющаяся в ответ на стимул, является первой реакцией опрашиваемого в виде слова, сочетания слов, невербальной графической отметки и тому подобного.

Известны три вида ассоциативных экспериментов. Направленный ассоциативный эксперимент заключается в том, что экспериментатор определенным образом ограничивает возможные ответы респондентов, например, требует ассоциации только в виде слов или ограничивает выбор определенной частью речи и тому подобное. При цепном ассоциативном эксперименте опрашиваемому разрешается свободная реакция на стимулы, отвечать можно любым количеством реакций без ограничений в форме, способах выражения, семантике. Цепной эксперимент А.А. Леонтьев по праву считает разновидностью свободного. Наиболее активно используют в исследованиях свободный ассоциативный эксперимент. Респонденту предлагается полный список стимулов. Каждому из них должна соответствовать единственная реакция, но ни форма, ни содержание, ни способ ее выражения не оговариваются.

Ассоциативным эксперимент в его разновидностях по способу проведения (свободный, направленный, цепной, психофизиологический) –

это психолингвистический метод «выявления связей представлений, обусловленных предыдущим опытом и благодаря которым одно представление, что появляется в сознании, вызывается на основе сходства, смежности или противоположности другому». Он также предусматривает получение ассоциаций (реакций) от информантов на слово или ряд слов (слова-стимулы), и эти реакции являются конститунтами ассоциативного поля слова.

За всю историю существования ассоциативного эксперимента от зарождения до настоящего исследователи используют этот метод для формирования и анализа ассоциативных полей в зависимости от специфики научных задач (изучение особенностей мышления, способа организации знаний, ассоциативных норм социальной группы и ее лингвокультурных особенностей и т.д.).

Ассоциативный эксперимент сначала используют в психологии и психодиагностике как метод исследования структур сознания. Это эксперименты:

- Ф. Гальтона, В. Вундта, С. Холла, Г. Бессера, М. Траутшольдта [Trautscholdt, 1883] (изучение разнообразия ассоциативных идей и времени для возникновения ассоциаций, создание классификаций ассоциаций);

- Х. Мюнстерберга (определение индивидуальных особенностей личности);

- Дж. Кеттела (массовый эксперимент с 500 респондентами, составил нормативные таблицы для тестирования развития интеллекта),

- Э. Крепелина (ввел понятие «устойчивости ассоциации» и предлагал установить нормы устойчивости для нормального и патологического состояний сознания) [Горошко, 2001],

- Г. Ашаффенбурга (изучал влияние состояния истощенности и факторов национальности, эпохи и среды на продуцирование ассоциаций).

В начале XX в. метод свободных ассоциаций начали применять в практике психоанализа как средство проникновения в подсознательные слои

психики человека. Немецкий психиатр и психоаналитик К. Юнг считал ассоциативный эксперимент ценным диагностическим инструментом, поскольку обнаружил, что латентный период увеличивается, когда слова-стимулы, связанные с обстоятельствами, травмируют респондента. Во время зачитывания слов-стимулов пациент должен был сказать первое, что приходит ему в голову, в этом процессе фиксировали время реакции, изменения в частоте дыхания, электропроводимость кожи и другие показатели, свидетельствующие об эмоциональной реакции пациентов. Если психофизиологические реакции на определенное слово были отличными от реакций на остальные слова, К. Юнг делал вывод, что у респондента есть определенные подсознательные эмоциональные проблемы, связанные с словом-стимулом или с возможной реакцией на него [Jung 1919].

Идеи К. Юнга в отечественной психологии развивал А.Р. Лурия (20-е годы XX в.). Он предложил «сопряженную моторную методику», которая по сути является модифицированным вариантом теста К. Юнга, с целью исследования скрытых следов аффекта [Горошко, 2001].

В лингвистике экспериментальные методы исследования начинают использовать в конце XIX – начале XX в. Выдающейся является совместная работа лингвиста А. Тумба и психолога К. Марбе, продемонстрировавшая междисциплинарную, психолого-лингвистическую сущность вербальных ассоциаций. А. Тумб и К. Марбе считали, что вербальные ассоциации – это связи не только между представлениями языка, но и между представлениями элементов языка, и связывали образования языковых аналогий с ассоциативными процессами [Thumb 2019].

Первыми собственно психолингвистическими исследованиями в начале XX в. стали создания ассоциативных норм на основе ассоциативных экспериментов американских психологов Г. Кент и А. Розанова (1910 г.). Г. Кент и А. Розанов применили 100 самых распространенных слов в качестве стимулов на выборке 1000 взрослых респондентов, с различными образованием, специальностью, возрастом и полом. В лингвистической

парадигме эти нормы известны как Кент-Розановский список [Kent 1910]. Рассел и Дженкинс разработали «Полные Миннесотский нормы» [Russel, 1954], Баусфильд – «Коннектикутские нормы» [Bousfield, 1953], Джироу и Поллио сочетали «Миннесотские», «Коннектикутские» и собственные ассоциативные данные от информантов штата Теннесси в единый реестр американских ассоциативных норм II половины XX века.

В отечественной лингвистике первые обращения к экспериментальным методам исследования языка и речи и их связей с психологическими феноменами связанные с именами И.А. Бодуэна де Куртенэ (1879 – 1918) – основателя казанской школы языкознания, Л.В. Щербы (1880 – 1944), А.А. Потебни. Уверенность в том, что феномены языка и речи следует изучать с помощью экспериментов, возникает примерно в 70-е годы XIX в. И.А. Бодуэн де Куртенэ первым заявил, что следует изучать именно живую речь и что в ее контексте можно проводить эксперименты. Л.В. Щерба осветил значение экспериментов в языкознании в труде «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба, 1958]. Именно из работ Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы, изучавших функционирование живых языков и диалектов, берет начало новый этап развития отечественной лингвистики, выход ее за пределы исследования текстов и словарей в сферу «полевых исследований» живой речи. Вместе с тем меняется и взгляд на значение слова, которое начинают изучать в психологическом аспекте.

В работах Джеймса Диза [Deese, 1962; Deese, 1965], был обобщен и теоретически осмыслен большой опыт экспериментальных исследований ассоциативного, а также и категориального значения, проявленных при свободном воспроизведении слов через объединение их в семантически или тематически связанные группы («кластеры») [Залевская, 2007, с. 104]. Такие исследования важны для понимания когнитивной структуры сознания человека. Книгу Дж. Диза дополняет «Ассоциативный словарь», который он называет когнитивным словарем, способным показать способ, которым «мысль отражена в языке». Попытки выявить внутреннюю организацию

значений через анализ ассоциаций сделаны в работах Дж. Киша и его коллег [Kiss 1973]. Исследователи объясняли механизмы функционирования ассоциативного значения через меняющиеся уровни активности связей между нейронами головного мозга. «Ассоциативный тезаурус английского языка» [Edinburg Associative Thesaurus] с отображением «прямых» (стимул – реакция) и «обратных» (реакция – стимул) связей основан на трудах Дж. Киша.

Российская ассоциативная лексикография конца XX в. представлена исследованиями А.А. Леонтьева, Ю. Караулова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой и др. Вербальные ассоциации как феномен интересовали не только психологов (и впоследствии – психолингвистов), но и ученых негуманитарных отраслей. Выдающийся математик, специалист по теории игр Р. Люс предложил в 60-е годы XX в. математическую модель возникновения словесных ассоциаций. Р. Люс хотел предложить точный вид зависимости между частотностью слова-ответа и длиной латентного периода. Он считал, что после предъявления слова-стимула перед «внутренним взором» субъекта возникает вся возможность ответов на слово (все поле возможных коннотаций – Р.М. Фрумкина), дальше респондент в очень быстром темпе просматривает все элементы этого множества и «вычеркивает» все ненужные слова, тогда как оставшееся слово предоставляется респондентом в качестве ответа. Такое представление о характере процесса помогло Р. Люсу предложить зависимость между исследуемыми величинами в виде уравнения, которое и является математической моделью процесса [цит. по: Фрумкина, 2008].

Таким образом, метод ассоциаций за всю историю своего существования развился из отдельных исследований ассоциаций и теории ассоцианизма начала XIX века в психологической области в мощный инструмент исследования языкового сознания через ассоциативные поля в XXI веке в области психолингвистики, когда речь идет уже не о механистическом представлении ассоциативного механизма как продукта

частоты повторений определенных смежных элементов, а об ассоциативном значении языковой единицы в понимании специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, сформировавшихся у человека благодаря речи и мышлению – модели, которая лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слов.

1.3. Языковая картина мира и концепты в контексте ассоциативного поля

Современная когнитивно-ориентированная лингвистика продолжает исследовать различные структуры сознания человека, одной из которых является языковая картина мира. Проблему языковой картины мира начали разрабатывать из попыток тезаурусного описания лексики. Среди известных лингвистов, посвятивших свои работы проблематике языковой картины мира, Ю.Д. Апресян [Апресян, 1995; Апресян, 1974; Апресян, 1963], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999], А. Вежбицкая, Ю.Н. Караулов.

Истоки понятия языковой картины мира традиционно связывают с работами В. фон Гумбольдта. По мнению В. фон Гумбольдт, любой язык, обозначающий отдельные предметы, на самом деле создает картину мира, формирует ее для народа, являющегося ее носителем [Гумбольдт, 1985]. Но и современные ученые предпринимали неоднократные попытки сформулировать толкования этого феномена. И.Г. Рузин определяет языковую картину мира как «совокупность представлений человека о реальном мире, закрепленных в системе значений определенного языка, в его лексико-семантической подсистеме, в структуре энциклопедических, толковых словарей, в бесчисленных речевых ситуациях, текстах разных видов, типов, жанров, наконец, в индивидуальном общении» [Рузин, 1996, с. 39].

В этнолингвистике, согласно позиции Н.И. Жинкина, языковая картина мира – «подобная мозаике полевая структура взаимосвязанных языковых единиц, которая через сложную систему фонетических явлений, лексико-семантических и грамматических значений, а также стилистических характеристик, отражает относительно объективное положение вещей окружающей среды и внутреннего мира человека, то есть картину (модель) мира в целом» [Жинкин, 1982, с. 15].

Понятие языковой картины мира неотделимо от понятий «картина мира», «когнитивная картина мира», «концептуальная картина мира», «национальная языковая картина мира», поскольку это образование – целостное, многогранное явление, и каждый элемент отображает, повторяет, накладывается друг на друга, является частью другого элемента, а концептуальная и языковая (а также и национальная языковая) картины мира являются сторонами этого явления.

Термин «картина мира» (Г. Герц), зародившийся в физике на рубеже XIX-XX вв. (совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать информацию относительно поведения этих предметов (Г. Герц [Герц, 1973]), «образ мира», что отражает реальные закономерности природы (М. Планк [Планк, 1966])), связанный с сознанием человека, его представлениями и способностью преобразовывать действительность, впоследствии входит в логику и философию (Л. Витгенштейн), семиотика (Л. Вайсгербер), искусство (визуальная картина мира как ментальная репрезентация культуры [Воронцова, 2015]), лингвистику (упорядоченная система, совокупность знаний о действительности, сформированная в общественном, групповом и индивидуальном сознании [Попова, 2007], одна из ипостасей ментально-лингвального комплекса, рядом с сознанием и языком [Гончарова, 2012]).

С бурным развитием психолингвистики и когнитивной лингвистики, распространением лингвокогнитивного и лингвокультурологического направлений исследований на рубеже XX-XXI вв. в научный оборот было

введено понятие когнитивной картины мира, а языковую картину мира неразрывно связывают с национальной картиной мира и формируют понятие национальной языковой картины мира.

Под когнитивной картиной мира З.Д. Попова понимает ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом, который является результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления. Такая картина мира названа когнитивной, поскольку она представляет собой результат когниции (познания) действительности, выступает как результат деятельности когнитивного сознания и основана на совокупности упорядоченных знаний – концептосферы. Итак, когнитивная картина мира – это совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой [Попова, 2007, с. 37].

Место языка как инструмента отображения когнитивной картины мира прослеживается в толковании понятий представителем контрастивной лингвистики Р. Ладо, который отмечает, что языковая картина мира – это отраженный средствами языка образ сознания, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений с репрезентацией в языке [Ладо, 1989].

Таким образом, мы согласны с мнением Ю.А. Геррас о том, что когнитивная картина мира «является основой языковой картины мира, а языковая картина мира, в свою очередь, инструментом частичной репрезентации когнитивной картины человечества, социума, нации. С другой стороны, когнитивная картина мира в синхроническом срезе – лишь фрагмент языковой картины мира с учетом ее высокой динамичности и способности относительно быстро меняться под влиянием экстралингвистических факторов в отличие от языковой картины мира, которая значительно более консервативна и хранит в себе архаичные

элементы предшествующих эпох культурно-исторического развития народа [Герас, 2008, с. 141].

Учитывая сложность явления языковой картины мира, ее взаимосвязь с концептуальной картиной мира имеет дискуссионный характер. Некоторые исследователи (Ю.Н. Караулов, Р.И. Павиленис, В.Н. Телия) различают концептуальную и языковую картины мира. Другие ученые (К.Н. Гончарова, В.В. Морковин) считают такое противопоставление неуместным, поскольку эти термины являются разнонаправленными: термин «языковая картина мира» указывает на то, что экспликатором картины мира является язык, тогда как термин «концептуальная картина мира» указывает на то, из каких элементов состоит обсуждаемый гносеологический объект [Морковкин, 1996, с. 52]. Однако для большинства лингвистов именно концепты являются конститuentами языковой картины мира, а концепты рассматривают как когнитивную структуру, результат отражения фрагмента действительности, в котором зафиксирован понятийный, вербальный, ассоциативный, культурологический смысл (Р.И. Павиленис [Павиленис, 1986]); «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово и предмет эмоций, симпатий, антипатий, а иногда и столкновений (Ю.С. Степанов [Степанов, 1997, с. 40]); образования, которое включает в себя и психологическое значение, и личностный смысл (В. Пищальникова [Пищальникова, 1992, с. 15]), а смысл – составная сознания, объединяющая визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые, вербальные и другие возможные характеристики объекта [Пищальникова, 1992, с. 12] и т.п.

Е.С. Кубрякова говорит о таком соотношении концептуальной и языковой картин мира, когда языковая картина мира, встроенная в концептуальную, и является частью целого. Языковую картину мира ученый рассматривает как важную составную часть общей концептуальной модели мира в сознании человека, то есть совокупность представлений и знаний человека о мире, интегрированную в некое целое, совокупность, которая

помогает человеку в его ориентации в восприятии и познании мира [Кубрякова, 1988, с. 169].

Н.Н. Гончарова отмечает, что языковая картина мира «является ментально-лингвальным образованием, элементами которого являются концепты, то есть обозначены информемы, а экспонентом языковой картины мира является этническая речь. Н.Н. Гончарова предлагает понимать под концептуальной картиной мира отражение мира в сознании, представления человека о мире, информацию о среде и человеке, а под языковой картиной мира – информацию о среде и мире, зафиксированную в языке [Гончарова, 2012, с. 397].

Важным в осмыслении понятия языковой картины мира является понимание ее существенных характеристик. Языковую картину мира часто называют наивной, в отличие от концептуальной, которую считают научной. Учитывая это, С.А. Песина осмысливает языковую картину мира в философском и лингвокультурологическом аспектах и отмечает, что языковая картина мира включает два взаимосвязанных положения:

1) каждый язык создает свою картину, отражающую действительность несколько иначе, чем другие языки;

2) картина мира, которая предлагается языком, отличается от научной картины мира и является, в определенном смысле, наивной картиной мира, поскольку отражает бытовое понимание действительности носителями языка.

При отображении в процессе деятельности объективного мира человек фиксирует в слове результаты познания Языковая картина мира, по мнению С.А. Песиной, является результатом преобразования информации о среде и человеке [Песина, 2005, с. 359].

Влияние отдельного языка на картину мира его носителей подтверждают теории лингвистической относительности американских этнолингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа, отметивших, что наше отношение к окружающему миру зависит от языковых форм, и власть языка над

сознанием и восприятием имеет тиранический характер [Сепир, 1993], однако тезис об абсолютной власти языка над сознанием не является однозначным. Ю.А. Герас полемизирует с этим утверждением и отмечает, что реликтовые представления об устройстве универсума не перекрывают современной когнитивной картины мира в сознании образованных людей. Такие люди мыслят не архаично и не мифологически, хотя и регулярно используют языковые средства, в которых запечатлены фрагменты бывших когнитивных картин мира и которые образуют языковую картину мира [Герас, 2008].

Ю.А. Герас также оспаривает и тезис В. фон Гумбольдта о том, что язык описывает вокруг человека круг, за пределы которого возможно выйти при условии владения другим языком, зато отмечает, что современный взрослый образованный человек способен видеть мир по-разному, через призму различных картин мира (повседневной, научной, художественной), понимать их соотношение и не обязательно усваивая новый язык. В пространстве одного этноязыка, как полагает Ю.А. Герас, существует несколько картин мира (например, альтернативные научные теории мироздания, альтернативные религиозно-мифологические представления о мироздании), и человек может переходить от одной к другой, если возникает необходимость, но не отказываться от прежних представлений и также учитывать их [там же, с. 144].

Второй тезис о наивности языковой картины мира, как отмечает Ю. Герас, подтвержден пониманием особенностей восприятия реальной действительности сознанием индивида. Люди мыслят традиционными представлениями и выражают мысли традиционными категориями языковой семантики, находятся во власти прошлой, а не новой картины мира, и делают так во всех случаях, кроме тех, когда потребности научного дискурса толкают их поступать иначе [Герас, 2008].

Ю.Д. Апресян называет языковую картину наивной в том смысле, что научные определения и языковые толкования не всегда совпадают по

вместимости и содержанию [Апресян, 1995, с. 357]. Соответственно, структура языковой картины мира и пути исследования этой структуры также являются предметом осмысления в научных трудах.

Для структуры языковой картины мира важно ее пребывание в трехчленной парадигме картин мира: доречевой (психической), концептуальной (логической) и языковой – собственно лингвистической. Эти три уровня парадигмы находятся в тесном взаимодействии и влияют друг на друга, на что, вспомним, обращал внимание еще В. фон Гумбольдт (речь не только отражает и выражает дух народа, но и влияет на его формирование). Трем уровням соответствуют и три научных трактовки концепта как доречевого представления о явлении, которое сопровождается в сознании многочисленными признаками и ассоциациями. Понятие выступает как культурно-логическая единица, является следствием обобщения существенных с точки зрения говорящего черт концепта, сопровождается речевым выражением, и значением слова, которое содержит понятийную основу и усложняется признакам (смысловой ореол), связанными в сознании носителей языка с этим концептом и с внутриязыковыми связями [Лисиченко, 2004, с. 38-39]. Доречевое мышление является не только источником создания языковой картины мира, но и само обогащается за счет явлений языковой картины. Результаты доречевой умственной деятельности в языковой картине мира воплощены в определенных смыслах слова. В процессе речи значения могут претерпевать изменения, влияющие и на предыдущие доязыковые представления, и на содержание понятий, составляющих основу лексического значения, поэтому изменения в лексической системе на уровне языковой картины мира могут приводить к изменениям в концептуальной системе и к переинтеграции признаков в доречевых представлениях [там же, с. 39].

Национальный характер языковой картины мира является неоспоримым фактом, что приводит к появлению понятия национальная языковая картина мира, которую рассматривают в тесном взаимодействии с

концептуальной и языковой картинами мира, и соотношение концептуальной и языковой картин мира рассматривают в этнографическом, лингвокультурологическом, лингвосемантическом аспектах, иллюстрируя диахронический аспект исследования языковой картины мира, анализируя трансформацию концептуальной и языковой картин мира этносов на фоне общественных процессов. Согласно В.В. Красных, языковая картина мира – это способ отражения реальности в сознании человека сквозь призму языковых и культурно национальных особенностей. Языковая картина мира представлена лингвострановедческими сведениями о слове-понятии, ставших достоянием той или иной национальной культуры и являющихся языковыми знаками культуры [Красных, 2000, с. 54]. Национальная языковая картина мира – это зафиксированное в лексике соответствующего языка специфическое видение (то есть логическое осмысление, ощущение и оценка) реального мира и всего, что было привнесено в него человеческим сознанием.

По мнению И.Б. Штерна, языковая картина мира – это способ отражения реальности в сознании человека, что заключается в восприятии этой реальности сквозь призму языковых и культурно-национальных особенностей, присущих определенному языковому коллективу, интерпретация окружающего мира по национальным концептуально-структурным канонам [Штерн, 1998, с. 156].

Таким образом, историческое понимание языковой картины мира достаточно разноплановое и похоже на пестрый спиралевидный круг [Попова, 2007], в котором прослеживается несколько этапов:

- 1) идеи В. фон Гумбольдта о «духе народа», отраженном языке, и идеи Л. Вайсгербера от объективно универсального к субъективно-национальному характеру языковой картины мира;
- 2) теория лингвистической относительности американских этнолингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа;

3) отечественное семасиологическое и в определенной степени психолингвистическое толкование А.А. Потебни, который видит в языке механизм порождения мысли;

4) широко распространенное в современной лингвистике психолингвистическое и когнитивистское понимание языковой картины мира.

Психолингвистическое и когнитивистские взгляды на языковую картину мира также прошли несколько стадий:

1) работы нейрофизиологов, врачей, психологов (В.Л. Бехтерев, П. Брок, И.П. Павлов, И.М. Сеченов и др.);

2) исследование нейролингвистов (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия);

3) психолингвистический этап (работы американских психолингвистов Дж. Гринберга, Дж. Керрола, Ч. Осгуда, Т. Себеока и др., российских лингвистов И.Н. Горелова, А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова, А.А. Леонтьева и др.), которые изучают процессы порождения и восприятия речи, процессы изучения языка как системы знаков, имеющих в сознании человека, соотношение системы языка и его использования и функционирования;

4) этап когнитивной лингвистики конца XX – нач. XXI в. (американские когнитивисты Р. Джанкендофф, Р. Лангакер, Дж. Лакофф [Лакофф, 1988], русские ученые: Ю.Д. Апресян, М.М. Болдырев [Болдырев, 2004, с. 32], В.З. Демьянков [Демьянков, 1994], В.В. Красных [Красных, 2000], Р.М. Фрумкина [Фрумкина, 2008]; польский исследователь А. Вежбицкая [Вежбицкая, 1996] и др.); когнитивисты исследуют ментальные процессы в восприятии, осмыслении и познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций.

В когнитивной лингвистике, как отмечает З.Д. Попова, впоследствии выделены три подхода к исследованию языковой картины мира: лингвокогнитивный и лингвокультурный, последний из которых предполагает изучение специфики национальной концептосферы в

направлении культуры в сознании и определяет концепт как базовую единицу культуры с образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего. Третий, лингвокультурологический подход, подразумевает исследование концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры в направлении «от языка к культуре» [Попова, 2007].

Эволюция понимания и методов толкования языковой картины мира непременно затрагивает национальную специфику явления, и если не непосредственно, то опосредованно, но обязательно идет рядом с национальным сознанием. Любой человек не существует изолированно, и обязательно принадлежит определенному социуму, конкретной этнической группе. В связи с этим согласны с мнением З.Д. Поповой о том, что исследования или когнитивных, концептуальных, языковых картин мира, отдельно выделенных в пределах одного общества, или же взятых в сравнении с другими картинами мира, всегда является исследованием когнитивной матрицы (базы, пространства) народа, его менталитета и образа самопрезентации в мире.

У О.В. Селивановой встречаем понятие «ментальный лексикон языка», характеризующий характеризует не сознание отдельного говорящего, а интерпретацию реального мира сознанием целого народа, который является носителем той или языка [Селиванова, 2000]. У В.В. Красных, ментальность – это способ восприятия и отражения мира, характерный для определенного национального коллектива и выраженный через настроения, установки определенного индивида, сформированные в зависимости от традиций культуры, социальных структур, в которых он проживает [Красных, 2000].

Учитывая такое понимание ментальности, поскольку языковая картина мира так или иначе отражает отношение и, определенным образом, предопределяет поведение, можем говорить о том, что изучение языковых картин мира (вместе с когнитивным пространством, концептуальной и

национальной картинами мира) является изучением ментальности народа. Однако, поскольку ни один социум не лишен иностранных влияний, так как не является этнической группой в чистом виде, сознание индивида или коллектива всегда носит разноязычные элементы, поэтому языковая картина мира отдельного народа должна рассматриваться как синкретичное многоязычное явление, динамичное и с нелинейной природой.

Опираясь на предыдущий опыт исследования языковой картины мира и многообразии толкований этого явления языковую картину мира в диссертации понимаем как когнитивную мозаикоподобную полевую структуру взаимосвязанных языковых единиц, которая через сложную систему фонетических, лексико-семантических и грамматических явлений и стилистических средств отражает относительно объективное положение вещей окружающей среды и внутреннего мира человека, то есть всю картину (модель) мира определенного народа.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Лингвистика как отрасль гуманитарного знания прошла долгий и длительный путь своего развития. Ее истоки прослеживаются с древней Индии и античности. Главным объектом лингвистики является язык. Еще с древнейших времен язык рассматривается в двух измерениях: во-первых, как абстрактная система, отделенная от ее носителя – человека, то есть лишенная человеческого фактора; во-вторых, как «очеловеченная», живая, динамичная система, проявляющаяся в речевой деятельности и неотделимая от ее создателя. В процессе исторического развития европейской лингвистики как объекта специальных исследований речь все дальше и дальше отдалялась от человека, вставая перед учеными как система систем или идеальная система и структура, проявляющая себя в противопоставлении, оппозиции и, разного рода, вербальных конструкциях. Психолингвистика, возникшая на грани

психологии и лингвистики, «возвращает» человека в языкознание, а язык делает психолингвистическим феноменом языковой личности. Такой антропоцентризм вполне естественно требует изучения языка путем исследования языкового материала, полученного от различных носителей, что становится возможным, помимо прочего, с помощью эксперимента.

Традиционно психолингвистику определяют как науку, изучающую речевую деятельность людей в двух (психологическом и лингвистическом) аспектах, включая экспериментальное исследование психологической деятельности субъекта по усвоению и использованию языковой системы как организованной и автономной. Такая экспериментальная составляющая и антропоцентризм в значительной мере способствовали формированию психолингвистики как отдельной отрасли языкознания.

Психолингвистический эксперимент – это чуть ли не единственная возможность «заглянуть» в глубины языкового сознания человека путем исследования индивидуальных особенностей каждого носителя с последующим обобщением полученной информации, выстроить национальную языковую картину мира, что дает возможность получить бесценную информацию для анализа практически всем гуманитарным дисциплинам. «Искусственность» созданной исследователем экспериментальной ситуации не раз подвергалась критике оппонентов.

В связи с этим можем только заметить, что тезисы об «искусственности» эксперимента легко опровергаются учетом различных параметров воздействия на эксперимент и его статистически значимой выборкой. К таким параметрам относятся возраст, гендер, условия формирования речевых навыков, социальное положение, уровень образования и т.д. Кроме того, при исследовании можно комбинировать различные экспериментальные методы психолингвистики, а также сочетать их с другими лингвистическими и нелингвистическими методами, в частности методом наблюдения, аналитическим методом и тому подобным. В свою очередь, актуальность исследования языковой картины мира

детерминирована особенностями развития современной науки на основе синергетического подхода к предмету исследования. Формирование ассоциативных полей посредством психолингвистического эксперимента позволяет установить как внутриязыковые семантические связи, так и внешние воздействия – с одной стороны, влияние языка на формирование картины мира, а с другой – отражение сознания индивида и этносознания в особенностях формирования картины мира. Свободный ассоциативный эксперимент становится эффективным средством выявления обоих направлений воздействия.

ГЛАВА II. ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «СЧАСТЬЕ» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

2.1. Анализ ассоциативного поля «счастье» на базе Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири

Прежде всего, обратимся к анализу ядерной зоны ассоциативного поля счастье в РАС. К ядру относятся наиболее частотные ассоциации. В таблице 1 приводятся данные РАС.

Таблица 1

Ядерная зона АП «Счастье», РАС

Реакции	Частота
мое	7
большое	6
любовь	6

Небольшой размер ядерной зоны, как и относительно невысокая частотность реакций обусловлена ограниченностью выборки при составлении ассоциативного словаря (104 реакции на стимул).

Как видно из таблицы, на первом месте находится реакция «мое», что указывает на ассоциацию с собственным опытом, утверждение о том, что человек испытывал данное чувство.

На втором с незначительной разницей в частоте – «большое», что является описанием счастья. Ассоциацию следует отнести к положительным. Аналогичную частотность имеет ассоциация «любовь», которая представляет собой позитивное состояние, чувство. Можно сделать вывод о том, что два понятия пересекаются, накладываются друг на друга.

В ядерной зоне ассоциативного поля «Счастье» в РАС находятся только позитивные ассоциации.

В таблице 2 представлена ядерная зона «Счастье» в сознании приенисейских сибиряков.

Таблица 2

Ядерная зона АП «Счастье», ЭАСПС

Реакции	Частота
есть	11
семья	6
радость	5

Следует отметить отсутствие совпадений в ядерной зоне словарей. Это может быть объяснено различиями в сознании жителей Центральной России и Приенисейской Сибири. Сибиряки в большей степени ценят семейные отношения. Они занимают значимое место в их системе ценностей и поэтому ассоциируются со счастьем.

Наиболее частотной реакцией на стимул у сибиряков является глагол-связка «есть», что представляется интересным при общем количестве реакций – 64. Данную реакцию можно охарактеризовать как положительное утверждение, констатацию существования рассматриваемого концепта.

Третье место по частотности занимает реакция «радость», что в определенной степени является синонимом лексической единицы «счастье». Их часто можно встретить при перечислении в качестве однокоренных членов предложения. Это, безусловно, позитивная реакция на стимул.

Таким образом, в ядерной зоне ассоциативного поля «Счастье» в РАС и ЭАСПС совпадений не обнаружено. Все реакции являются позитивными. В сознании жителей Приенисейской Сибири возникает синонимическая ассоциация «радость».

К околядерной зоне в рамках данного исследования мы отнесем реакции с частотностью выше 1. Данные РАС представлены в таблице 3.

Таблица 3

Околядерная зона АП «Счастье», РАС

Реакции	Частота
близко	2
в деньгах	2
в жизни	2
жизнь	2
личное	2
любить	2
людей	2
мимолетное	2
найти	2
несчастье	2
огромное	2
привалило	2
придет	2
солнце	2
удача	2

Околоядерная зона в РАС значительно объемнее, чем ядерная, то есть устойчивых распространенных реакций не так много.

Следует отметить реакцию «в деньгах». В русском языке существует устойчивое выражение «не в деньгах счастье», однако у современных россиян оно трансформировалось в противоположное по значению высказывание. Это можно объяснить как социально-экономической обстановкой в стране, так и тем феноменом, что частица «не» довольно часто не закрепляется в подсознании.

В ядерной зоне данного словаря находится «любовь», в околоядерной она видоизменяется и принимает форму «любить». Этот факт подчеркивает значимость любви в сознании центральных россиян.

Большинство ассоциаций относятся к позитивным (близко, в деньгах, в жизни, жизнь, найти, привалило, огромное, придет, солнце, удача). Это подчеркивает восприятие счастья как феномена, доставляющего положительные эмоции. Реакция «мимолетное» указывает на скоротечность счастья. Ассоциации дают характеристику «счастья», называют связанные с ним явления.

Интересно, что в околядерную зону входит антоним лексической единицы – несчастье. Это обусловлено поиском противоположностей, разделением мира.

Использование глаголов в прошедшем (привалило) и будущем (придет) времени указывает на ассоциации с появлением феномена.

В таблице 4 приводятся данные из ЭАСПС.

Таблица 4

Околядерная зона АП «Счастье», ЭАСПС

Реакции	Частота
любовь	3
жизнь	2
редкость	2

Околядерная зона в ЭАСПС рассматриваемого ассоциативного поля значительно меньше, чем в РАС.

Интересно отметить, что в двух словарях находятся пересечения. Реакция «любовь» находится в ядерной зоне в РАС, также «жизнь» располагается в околядерной зоне РАС. Это демонстрирует схожие черты сознания центральных россиян и приенисейских сибиряков, наличие одинаковых связей.

Реакция «редкость» подчеркивает значимость счастья.

Таким образом, околядерная зона ассоциативного поля «Счастье» значительно шире аналогичной в ЭАСПС. Преобладают позитивные ассоциации, но в РАС имеется и антоним «несчастье».

Периферийная зона ассоциативного поля представлена единичными реакциями. В таблице 5 представлены единичные реакции, приведенные в РАС.

Таблица 5

Периферийная зона АП «Счастье», РАС

Реакции	Частота	Реакции	Частота
/	1	навек	1
good	1	наше	1
безбрежное	1	не всегда	1
безоблачное	1	не светит	1
близко=счастье далеко	1	невозможно	1
быстротечное	1	недолговечно	1
вам	1	недостижимо	1
вместе	1	недостижимое	1
восторг	1	ненастье	1
впереди	1	необыкновенное	1
всем	1	нереально	1
где-то	1	огромно	1
двое	1	Пушкин	1
девушки	1	радость	1
деньги	1	развитое	1
дома	1	рай	1
есть	1	редкое	1
жду	1	свобода	1
зыбкое	1	семейное	1
как птица	1	ткала	
Реакции	Частота	Реакции	Частота
красное	1	уплыло	1

легко на душе = любовь ко всему	1	ушло	1
люблю	1	хорошо	1
мало	1	человеческое	1
миг	1	шальное	1
мимолетно	1	это когда тебя понимают	1
мне	1	это прекрасно	1
море	1		

Периферийная зона, то есть единичные реакции преобладают. Это демонстрирует индивидуальные особенности психики человека, его мышления, отражают его личный опыт.

Следует отметить наличие как позитивных и нейтральных реакций (безбрежное, безоблачное, море, хорошо, это прекрасно и др.), так и негативных (мало, недолговечно, недостижимо, нереально и др.). Негативные реакции преимущественно начинаются с приставки не-. Все это демонстрирует сложность концепта «Счастье».

Среди реакций наблюдаются как пересечения с другими зонами РАС (люблю), так и с ЭАСПС (есть). Среди ассоциаций встречаются описания феномена, связанные со счастьем явления. Один из опрашиваемых упомянул антоним «счастья» – «несчастье».

Ассоциацию «good» (англ. «хороший») можно объяснить личными особенностями информанта, значимостью английского языка в его жизни, что привело к смешению двух языковых систем.

Периферийные реакции приенисейских сибиряков представлены в таблице 6.

Таблица 6

Периферийная зона АП «Счастье», АСПС

Реакции	Частота	Реакции	Частота
бесконечное	1	мое	1
близко	1	немое	1
боязнь	1	он	1
быть	1	печаль	1
быть лучшим	1	прикольно	1
в душе	1	рядом	1
в жизни	1	сверкает	1
в семье	1	свет	1
вдруг	1	свобода	1
великое	1	семейное	1
всегда	1	солнце	1
для мамы	1	состояние души	1
доброта	1	успех	1
жизни	1	человека	1
исполнение желаний	1	щедрость	1
когда все дома	1	это самое лучшее	1
красивое	1	нет реакции	1
мимолетное	1		

Количество единичных реакций на стимул «Счастье» в ЭАСПС следует назвать достаточно большим.

Следует отметить преобладание позитивных и нейтральных реакций (бесконечное, красивое, солнце и др.). Тем не менее, «боязнь», «печаль» не относятся к данному списку. «Печаль» можно отнести к антонимичным понятиям.

Высокая значимость семьи в сознании приенисейских сибиряков подчеркивается наличием реакции «семейное», «в семье», а также родственными «для мамы», «когда все дома».

В число ассоциаций входят описательные характеристики феномена, связанные с ним явления.

Таким образом, периферийная зона является наиболее обширной и в РАС и в ЭАСПС. В РАС находятся позитивные, нейтральные и негативные реакции. В ЭАСПС преобладают позитивные и нейтральные. Существуют пересечения с другими зонами словарей.

2.2. Специфика репрезентации ассоциативного поля в региональном языковом сознании сибиряков

В рамках исследования интерес представляет изучение формально-грамматического состава ассоциативного поля «Счастье» в РАС и ЭАСПС, то есть распределение реакций по частям речи, выявление их характеристик, значимости. На рисунке 1 представлен формально-грамматический состав ассоциативного поля «Счастье» в РАС.

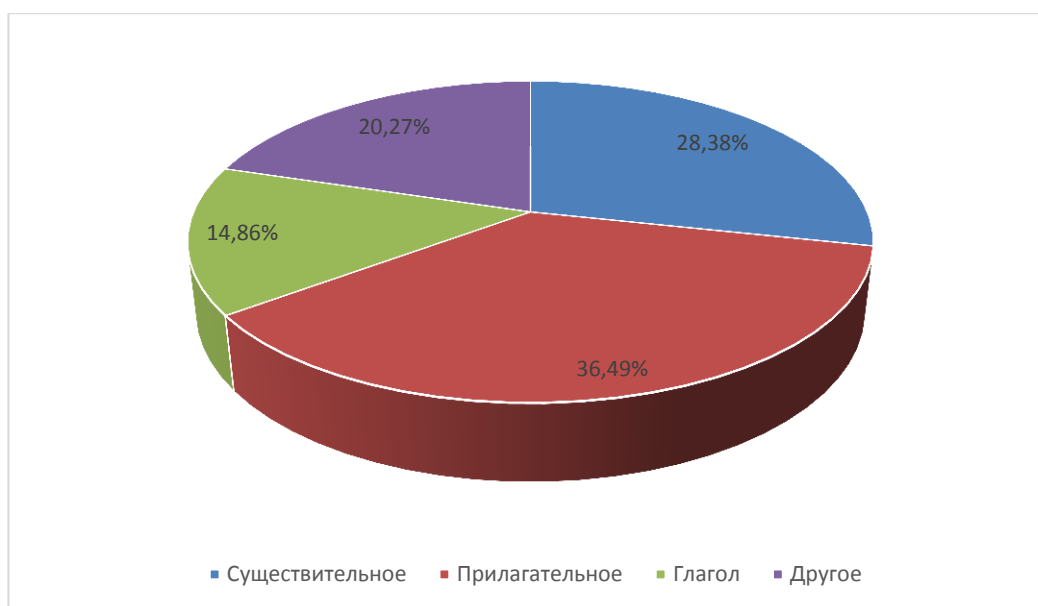

Рисунок 1. Формально-грамматический состав АП «Счастье», РАС

В ассоциативном поле «Счастье» в РАС преобладают имена прилагательные (36,49%), следом идут имена существительные (28,38%). Глаголы занимают долю в 14,86%. На другие части речи, предложения приходится 20,27%.

Прилагательные характеризуют предмет, явление. В ассоциативном поле в РАС преобладают качественные прилагательные. Как ясно из названия, они представляют собой качество имени существительного. Информанты называли прилагательные как в полной, так и в краткой форме. Преобладание прилагательных можно объяснить стремление назвать признаки явления. Реакции представлены как положительными (безбрежное) и нейтральными (красное), так и негативными (недостижимое) единицами.

Высокое количество существительных можно объяснить грамматической категорией единицы «счастье». В данное число входят синоним «радость», антоним «несчастье». Меньше всего в числе ассоциаций глаголов. Глаголы обозначают действие, поэтому их редкость демонстрирует тот факт, что в сознании жителей Центральной России «счастье» прежде всего ассоциируется с иными предметами и явлениями, его характеристиками, а не действиями. Также среди реакций обнаружены местоимения, числительные, предложения, наречия. Это показывает сложность связей, существующих в сознании человека.

На рисунке 2 представлен формально-грамматический состав ассоциативного поля «Счастье» в ЭАСПС.

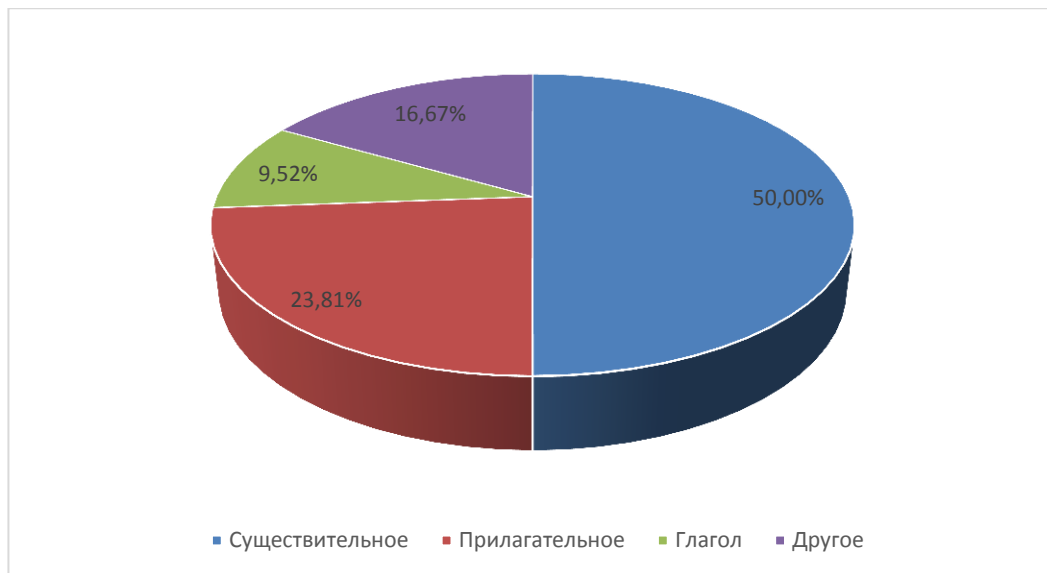

Рисунок 2. Формально-грамматический состав АП «Счастье», ЭАСПС

Как видно из рисунка, в ЭАСПС преобладают реакции – имена существительные, которые составляют ровно половину (50%). На имена прилагательные приходится 23,81%, на глаголы – 9,52%. Доля других частей речи составляет 16,67%.

Заметно значительное преобладание существительных в числе реакций в ЭАСПС по сравнению с РАС. Это свидетельствует о тенденции приенисейских сибиряков называть синонимы «счастья» и другие предметы и явления, ассоциирующиеся с понятием. В меньшей степени используется предоставление характеристики феномена. В сознании центральных россиян «счастье» практически не ассоциируется с действием, аналогичная ситуация наблюдается и среди приенисейских сибиряков. Также среди ассоциаций встречаются местоимения, предложения и др. Следует отметить, что практически все ассоциации являются свободными. Они не входят в состав пословиц и поговорок, фразеологических оборотов, не являются названиями известных художественных произведений, фильмов или песен. Исключение является только «не в деньгах счастье», которое было рассмотрено ранее.

Таким образом, формально-грамматический состав ассоциативного поля «Счастье» в РАС и ЭАСПС отличается. В РАС распространены имена существительные и прилагательные, редко встречаются глаголы. В ЭАСПС

преобладают существительные, реже используются прилагательные и почти не используются глаголы. Это вызвано спецификой образа мыслей жителей Центральной России и Приенисейской Сибири, значением различных частей речи.

2.3. Исследование данных ассоциативного эксперимента обучающихся старших классов общеобразовательной школы при использовании слова-стимула «счастье»

Основным методом исследования в данной работе является свободный ассоциативный эксперимент. При анализе результатов нашего исследования мы использовали два типа классификации: формальную и семантическую. Первая классификация учитывает характер связи, вторая – используется для реконструкции языковой картины мира. На основе словарей отметим некоторые значения слова «Счастье»:

«1) Состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости.

2) Успех, удача.

Счастливым случай, счастливое стечение обстоятельств.

О состоянии, когда очень хорошо.

О везении, удаче, сопутствующих кому-либо» [Ефремова, 2000].

Таким образом, слово «счастье» является многозначным, однако в настоящей работе мы понимаем под словом «счастье» – самое широкое его значение для обучающихся старших классов общеобразовательных школ, которые осуществляют общее образование и воспитание молодого поколения.

Стремление человека к переживанию чувства счастья возможно при условии рефлексивных способностей личности. Рефлексия «возвращает» сознание человека в свой внутренний мир. Это помогает не только осознать

свои поступки, отношения, ценности, но при необходимости их перестроить, найти новые для этого основания. Поэтому рефлексия – один из важнейших механизмов формирования ощущение счастья для человека. Подростковая рефлексия отличается свободной ассоциативностью. Целостность рефлексии придает лишь исключительная направленность подростка на самого себя – куда бы он не бросился в своих ассоциациях, он неизменно идентифицирует себя с самим собой, неизменно вернется к самому себе, к своему собственному «Я».

Организация и проведение эксперимента характеризуются тем фактом, что нам было важно проследить за тем, как относится современный подросток к счастью, является ли он счастливым, находясь на одной из последних ступеней развития, получения образования в школе, т.е. обучаясь в 10-11 классах. При этом интересно выяснить то, какое место занимает счастье в жизни школьника, в его картине мира. Таким образом, в эксперименте приняли участие две разновозрастные группы детей, являющиеся носителями русского языка.

Процедура эксперимента: в ходе свободного ассоциативного эксперимента каждому респонденту предлагался чистый лист бумаги, на котором было записано слово-стимул (далее – S) «счастье». Этот метод исследования предполагает ответ-реакцию (далее – R) на заданное слово- S любым словом, которое пришло в голову информанту, при этом ничем не ограничиваются ни формальные, ни семантические особенности слов – R. Инструкция к заполнению были указаны в верхней половине предложенного листа: «Перед вами лист бумаги, Вам необходимо написать как можно больше слов, связанных со словом счастье». Время эксперимента ограничено – 5 минут.

Возраст обучающихся – 15-18 лет, число опрошенных – 61 человек. Всего получено реакций на стимул счастье: 432, РАЗНЫХ – 118. СЧАСТЬЕ –

1) Существительные (201):

радость 30, море 18, пляж 16, компьютер 14, каникулы 12, друзья 11, сон 10, интернет 10, телефон 9, семья 7, танцы 5, лето 5, поездка (поездки, путешествие) 4, прогулки 4 (по городу), отпуск 4, река (речка) 4, солнце 4, готовка 3, праздник 3, лень 2, диван 2, тренировка 2, дом 2, бабушка 2, родители 2, тишина 2, хобби 2, кровать 1, спорт 1, футбол 1, баскетбол 1, поход 1, тусовка 1 (СЛЕНГ), планшет 1, хорошее настроение 1, красота 1, шоколад 1, деньги 1, чтение 1.

2) Глаголы (116):

гулять 28, спать 25, купаться 7, кушать 7, играть 6, слушать музыку 6, есть 5, поспать 4, Чилить (chill) 4 (СЛЕНГ), бегать 4, рисовать 3, расслабляться 3, мечтать 2, убираться дома 2, петь 2, высыпаться 1, тренироваться 1, смеяться 1, веселиться 1, покупки 1, думать 1, думать 1, жить 1.

3) Словосочетания (преимущественно на основе глаголов) (115):

смотреть телевизор 8, смотреть фильмы и сериалы 8, лежать на кровати 8, кататься на коньках 7, ездить (ходить) в кино 6, лежать на диване 5, отдых на природе 5, ездить в гости 4, время с близкими 3, ходить на рыбалку 3, сидеть дома 3, ничего не делать 3, играть в игры 2, кататься на велике 2, отдыхать от школы 2, сидеть в вк 2, делать фото в Instagram 2, лежать на пляже 2, ходить на шопинг 2, пить чай 2, есть вкусняшки 2, заниматься любимым делом 2, читать книгу 2, ложусь спать 1, думать о будущем 1, смотреть на небо 1, отдыхать от работы 1, быть с парнем 1, почитать книгу 1, ходить в школу 1, ходить на занятия 1, делать уроки 1, маяться фигней 1 (СЛЕНГ), ходить на тренировки 1, играть в хоккей 1, кататься на сноуборде 1, уехать за город 1, кататься на скутере 1, кататься на лошадях 1, играть с собакой 1, устроить пати 1 (СЛЕНГ), выспаться от школы 1, не учиться в школе 1, жить без школы 1, нет учебы 1, играть в PS 1, смотреть вайны (СЛЕНГ) 1, играть с сестрой 1, играть с братом 1, проводить время с мамой 1, проводить время с папой 1, помогать родителям 1, ходить по магазинам 1.

Как мы видим, формально ассоциативное поле выражено 42 существительными из 118 ассоциаций и всего 23 глаголами, наибольшим формальным показателем является словосочетания, которых 53.

Смысловая структура определяется ядром, околоядерной и периферийной зонами. Исходя из определения понятия поля и на основе количественной характеристики реакций-ассоциаций выделим ядро, околоядерную и периферийную зоны ассоциативного поля слова «Счастье». Ядро ассоциативного поля «Счастье» представлено следующими реакциями:

- радость 30,
- гулять 28,
- спать 25,
- море 18,
- пляж 16,
- компьютер 14,
- каникулы 12,
- друзья 11,
- сон 10,
- интернет 10.

Помимо наличия ассоциации счастья с радостью, наибольшее количество реакций на стимул «Счастье» – гулять и спать, что говорит о желании или необходимости этого для детей. В первую очередь из-за свежего воздуха (не нахождения в помещении, где они проводят все больше и больше времени), который так нужен мозгу и нервной системе, а также из-за витамина Д, который организм получает благодаря солнечным лучам. Кроме того, во время уличных прогулок дети общаются со сверстниками, это является одной из важных составляющих прогулки, что доказывают нам многочисленные реакции «гулять с друзьями», либо чистая реакция «друзья». Сверстники, друзья занимают одну из самых важных частей жизни подростка, именно в этот период общение с друзьями выходит на передний план. Общение со сверстниками – ведущий тип деятельности подростков.

Любопытными являются и последующие реакции, входящие в ядерную зону, такие как «спать» и «сон». Возможно, дети за время учебы сильно устают, поэтому ассоциируют «Счастье» больше со статическим состоянием сна нежели с различными активными видами деятельности. Почему для подростка оказался настолько важен сон? В таком возрасте школьники могут использовать каждую минуту своего времени на пользу и весьма активно, посещая занятия в школе, выполняя домашние задания, играя с друзьями. Кроме того, многие подростки имеют возможность ходить на спортивные секции, в школы искусств, участвовать во внеклассных мероприятиях или общественной и социальной жизни. Все эти занятия отнимают довольно большое количество времени и энергии, поэтому ребенку часто приходится рано вставать и поздно ложиться. Между тем, если подросток не спит хотя бы восемь с половиной часов или больше, его организм полноценно не расслабляется и не возобновляет свои ресурсы, а силы не могут восстановиться на сто процентов. В связи с этим стоит задуматься, как распределять время ребенка так, чтобы он достаточно отдыхал и восстанавливался.

Хочется также отметить реакции море и пляж, выявленные у детей данной группы. Вполне логично, что многие подростки именно так прореагировали на стимул «Счастье», потому что в наше время для детей не редкость проводить каникулы у моря, с этим местом они ассоциируют самые положительные эмоции. Наконец, нельзя упустить из внимания еще одну реакцию, прослеживающуюся в большом количестве у подростков, а именно речь идет о компьютерах и телефонах. Компьютеры, за последние несколько десятков лет, укоренили свое положение в жизни человека, особенной частью они стали в первую очередь, для детей. Сегодня для младшего поколения людей это довольно привычная и обыденная вещь, привычнее чем телевизор и холодильник. Работа с гаджетами имеет положительные стороны для обучающихся в школе, так как они могут воспользоваться многими полезными информационными ресурсами, книгами, словарями, распечатать

текст или фотографии, обмениваться полезной информацией с одноклассниками, кроме того, школьные классные журналы практически во всех школах теперь электронные. Все это стало возможным именно благодаря компьютерным технологиям. Если говорить об экономии энергии ребенка, здесь компьютер тоже выигрывает, так как он способен хранить большое количество информации, и это значительно упрощает работу, на которую раньше уходили часы, а то и дни, детям не нужно по много часов проводить за поиском нужной информации, копаясь в справочниках, они просто могут сделать правильный, нужный запрос в поисковике. А благодаря появлению планшетов и смартфонов, теперь смартфон можно носить с собой и пользоваться им где угодно. Неудивительно, что такие устройства приобрели большую популярность среди молодежи.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в увлеченности подростками виртуальным миром есть положительные стороны:

1. Интеллектуальное развитие. Разумный подход к использованию компьютера и Интернета позволяет получать большое количество полезной информации, которая может пригодиться в учебе и реальной жизни. А знание компьютерной грамоты помогает подростку в дальнейшем овладеть какой-либо серьезной профессией.

2. Возможность раскрепоститься. В Интернете подросток, имеющий трудности в общении, получает возможность стать другим, раскрыться, найти друзей. Ощувив себя интересной личностью, он может обрести большую уверенность в себе.

Как и во всем, в использовании компьютера для подростков есть и другая сторона медали – отрицательная. О ней стоит говорить здесь, потому что во многих реакциях подростков компьютер часто употреблялся со словами играть, игры, развлечения, а кроме этого часто встречающейся реакцией стало слово интернет, в большинстве случаев с указанием «смотреть ю-туб/тикток/инстаграм». На указанных платформах представлены фильмы, музыкальные клипы, трейлеры, новости,

образовательные передачи, а также любительские видеозаписи, включая видеоблоги, слайд-шоу, юмористические видеоролики и прочее. Как показывает статистика, наибольшей популярностью из всего этого пользуются развлекательные передачи, как для взрослых, так и для детей. Лишь 5-10% пользователей данного сайта выбирают образовательные видео. Повлияет ли это отрицательно в действительности на того или иного ребенка покажет только время, но как показывает практика, подростка необходимо направлять и даже в его личном досуговом времени. Например, если школьник весь день пробыл в школе, затем пришел домой и выполнял уроки за компьютером (делал презентации, искал информацию и т.д.), а затем выбрал снова компьютер (но уже развлекательные игры), это может губительно сказываться на его здоровье и психике. Подростку необходима полная смена деятельности. Проводя много часов за компьютером или за телефоном, школьник не только губит свое здоровье, но и упускает шанс провести время с друзьями, пообщаться с родными, заняться спортом или просто погулять во дворе или в парке на свежем воздухе.

Большое количество времени, которое некоторые подростки проводят за монитором компьютера имеет свои недостатки: во-первых, сидячее положение в течение длительного времени приводит к усталости и возникновению болей в позвоночнике, шее и других суставах, даже на школьных занятиях для обучающихся проводится физминутка, что должно повторяться и дома. Во-вторых, когда ребенок сидит за монитором, его глаза быстро привыкают к мерцанию картинки экрана на близком расстоянии, мышцы глаза практически перестают работать, что приводит к ухудшению зрения в раннем возрасте. Врачебная статистика показывает, что все чаще близорукость появляется в школьном возрасте. Кроме этого, существует электромагнитное воздействие, излучаемое компьютером. Самое неприятное из всех этих последствий – риск возникновения игромании или компьютерной зависимости, появление стресса и различных нервных расстройств, например, при потере важных данных, когда не сохранил игру

или проигрыше. Все это может привести к плачевным ситуациям. Задача взрослых, в том числе учителей, сделать так, чтобы компьютер не так часто ассоциировался у детей со счастьем, а больше с работой и учебой.

Рассмотрим околядерную зону слова «Счастье»: телефон 9, смотреть телевизор 8, смотреть фильмы и сериалы 8, лежать на кровати 8. Как мы видим, начало околядерной зоны логично продолжили реакции: телефон, телевизор, фильмы, сериалы, что в очередной раз подтверждает огромную занятость свободного, досугового времяпрепровождения большинства подростков гаджетами, просмотром развлекательных видео, а также то, что очень много времени дети проводят в статическом положении у экрана не только компьютера, но и телефона, телевизора.

Реакции, набравшие 5-7 были нами отнесены к границе между околядерной и периферийной зонами: семья 7, купаться 7, кушать 7, кататься на коньках 7, играть 6, слушать музыку 6, танцы 5, лето 5, есть 5, ездить (ходить) в кино 6, лежать на диване 5, отдых на природе 5. Здесь мы видим реакции в практически одинаковом количестве из абсолютно разных смысловых групп. Радует то, что здесь представлено большое количество слов и словосочетаний, выраженных активными действиями, а также реакция «семья». Счастье зависит от объективных и субъективных условий, определяемых в семейном положении, социальном статусе, удовлетворенности учебой, эффективных взаимодействиях, также связано оно и с личностным течением мыслей – с тем, как мы смотрим на вещи и к ним относимся. Однако наиболее существенными источниками счастья для подростка являются социальные отношения. Можно определить, что такие виды отношений, как романтическая любовь, дружба – главные причины положительных эмоций и переживания чувства счастья. Кроме того, на границе стоят и реакции, относящиеся к хобби, что говорит нам о приоритетах детей и тех увлечениях, что вызывают у них чувство счастья.

Периферийная зона АП «СЧАСТЬЕ» вобрала в себя огромное количество интересных и живых реакций, рассмотрим их: поездка (поездки,

путешествие) 4, прогулки 4 (по городу), отпуск 4, река (речка) 4, поспать 4, Чилить (chill) 4 (СЛЕНГ), бегать 4, солнце 4, ездить в гости 4, время с близкими 3, ходить на рыбалку 3, сидеть дома 3, ничего не делать 3, готовка 3, праздник 3, рисовать 3, расслабляться 3, мечтать 2, убираться дома 2, петь 2, лень 2, диван 2, тренировка 2, дом 2, бабушка 2, родители 2, тишина 2, хобби 2, играть в игры 2, кататься на велике 2, отдыхать от школы 2, сидеть в вк 2, делать фото в Instagram 2, лежать на пляже 2, ходить на шопинг 2, пить чай 2, есть вкусняшки 2, заниматься любимым делом 2, читать книгу 2, кровать 1, спорт 1, футбол 1, баскетбол 1, поход 1, тусовка 1 (СЛЕНГ), планшет 1, хорошее настроение 1, красота 1, шоколад 1, деньги 1, чтение 1, высыпаться 1, тренироваться 1, смеяться 1, веселиться 1, покупки 1, думать 1, думать 1, жить 1, ложусь спать 1, думать о будущем 1, смотреть на небо 1, отдыхать от работы 1, быть с парнем 1, почитать книгу 1, ходить в школу 1, ходить на занятия 1, делать уроки 1, маяться фигней 1 (СЛЕНГ), ходить на тренировки 1, играть в хоккей 1, кататься на сноуборде 1, уехать за город 1, кататься на скутере 1, кататься на лошадях 1, играть с собакой 1, устроить пати 1 (СЛЕНГ), выспаться от школы 1, не учиться в школе 1, жить без школы 1, нет учебы 1, играть в PS 1, смотреть вайны (СЛЕНГ) 1, играть с сестрой 1, играть с братом 1, проводить время с мамой 1, проводить время с папой 1, помогать родителям 1, ходить по магазинам 1.

Многочисленные реакции периферийной зоны, мы разделили на смысловые группы и последовательно описали эксплицитно выраженные узлы той или иной семантической сети. Мы же обратим особое внимание в этих группах на слова, входящие в периферийную зону. Поле концепта представлено узлами семантической сети «СЧАСТЬЕ». Периферийную зону «СЧАСТЬЕ» образуют лексические единицы, которые вступают в деривационные, синонимические и антонимические отношения с лексическими единицами ядерной и околожерной зон. В первую очередь, мы выделили реакции по принципу: активный/пассивный способ достижения состояния счастья. Обратим свое внимание на первую семантическую

группу: в нее вошли слова ядерной зоны, о которых мы уже говорили ранее. Здесь также видно, как продолжается ядерная и околоядерная зона в этой теме, словом лень, словосочетание ничего не делать, синонимичными предметами существительными, которые ассоциируются у детей с счастьем, сном, ленью: диван и кровать. Таким образом, мы видим, что счастье для респондентов часто представляется как физическая бездеятельность.

Стоит отметить наличие сленговых реакций в этой группе, хотя для удобства мы выделили их и в отдельную группу. Сразу скажем, что только у городских школьников была выявлена такая реакция – Чилить. Это слово появилось в употреблении подростками совсем недавно. Что значит «чилить»? Мы разобрались со значением, которое вкладывают в это слово школьники. На молодежном сленге чилить означает отдыхать, ничего не делая.

Кроме этого, в данной группе нам встретилось еще одно сленговое словосочетание «маяться фигней», что имеет примерно такое же значение – ничего не делать, бездельничать. В словосочетании «маяться фигней» все предельно понятно, это сленговое жаргонное устоявшееся словосочетание, которое, как мы могли увидеть, до сих пор употребляется среди подростков.

Активные пути достижения состояния счастья мы разделили на две группы. В первой группе представлены виды деятельности, связанные со спортом, таких реакций оказалось большое количество, а главное – разнообразных. Для многих детей занятия спортом, тренировки – это счастье. Вторая группа, в которую вошла активная деятельность развлекательного характера, оказалась еще богаче на количество ассоциаций (кататься на велике/лошадях, уехать за город, играть с собакой и т.д.). Подобные реакции говорят нам о желании детей проводить свой досуг активно, интересно, разнообразно.

Как мы уже упоминали выше, интернет, ТВ и различные технические устройства (телефоны, планшеты) занимают не последнее место в жизни современного школьника. Для подобных реакций мы выделили отдельную

группу. В нее вошли слова, которые мы уже рассмотрели в ядерной и околоядерной зонах. Периферийная зона слова подтверждает слова о том, что различные игры на телефонах, развлекательные ресурсы интернета, социальные сети «В контакте» и «Инстаграм» занимают большое количество свободного времени школьников. Задачей родителей и учителей является направить данные интересы в нужное русло.

Важной частью счастья для детей является их окружение, исходя из реакций респондентов, мы выделили семантическую группу «семья», в которую вошло как само слово «семья», так и упоминание про других членов семьи (играть с сестрой/братом, бабушка, помогать маме/папе, проводить время с семьей, обобщения (время с близкими (любимыми), родители, дом). Было выявлено несколько реакций «праздник» – это, как известно, время, когда преимущественно все члены семьи находятся дома.

Оказалось, что для детей счастье часто ассоциируется с едой (приемами пищи). Это доказывают такие реакции, как кушать 7 (разг.), есть 5, пить чай 2, есть вкусняшки 2, шоколад 1. Интересно, что ребята ассоциировали счастье не только с развлекательными активными и пассивными занятиями, но и с такими действиями, которые на первый взгляд и по своей семантике не являются развлекательными (готовка 3, убираться дома 2), а также творческая деятельность (танцы 5, рисовать 3, хобби 2, петь 2, заниматься любимым делом 2) и учебно-познавательная деятельность (читать книгу(и) 2, почитать книгу 1, ходить в школу 1, ходить на занятия 1, делать уроки 1, думать 1). Данные этих групп говорят о желании детей развиваться и учиться, даже в досуговое время.

В группу «Абстрактные понятия» вошли разные слова и словосочетания, что доказывает факт наличия отличной языковой картины мира одних людей от других. Не совсем обычная семантическая группа, которую мы также выделили в эксперименте с городскими школьниками – группа «Шоппинг» (ходить на шопинг 2, ходить по магазинам 1, покупки 1).

Из наличия вообще этой группы следует, что для некоторых детей нашего времени значительно изменены приоритеты интересов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Счастье – состояние наивысшего внутреннего удовлетворения человека условиями своего бытия, полнота и осмысленность жизни, реализация своего человеческого назначения. На эмоциональном уровне счастье является состоянием радости, отсутствия тревоги, озабоченности, ощущением наполненности и гармоничности жизни. Многогранность понятия счастья дает основание определить, что переживание этого чувства личностно-индивидуальное, то есть субъективное.

Основное отличие ассоциативного поля «счастье» у подростков состоит в том, что немало реакций представлено в группе «школа»: от «каникул» до «жить без школы», что говорит об очевидном. Дети устают от школы, когда этот процесс трудоемкий, а особенно, если не интересный и вместо того, чтобы назвать какую-либо деятельность, дети просто называют все что угодно, но без школы, в отрицании от школы. В основном, счастье ассоциируется с таким временем года, как лето, потому что именно летние каникулы самые продолжительные. В отдельную группу мы выделили реакции, связанные с летом. Общим для респондентов обеих групп является то, что счастье часто ассоциируется с природой и досугом. Особенностью реакций сибиряков было то, что в качестве ассоциаций к слову-стимулу «счастье» были предложены прилагательные, разного рода отрицательные ассоциации, а также крылатые выражения и фразеологизмы, тогда как у подростков данная тенденция не прослеживалась.

В целом следует отметить, что важной категорией человеческой жизни является счастье – состояние полного удовлетворения жизнью, чувство глубокой и безграничной радости, которые испытывает кто-нибудь.

Достижение счастья является главной целью индивида и показателем его жизнестойкости. Поэтому подросткам был задан вопрос, чувствуют ли они себя счастливыми, на которое почти все респонденты ответили утвердительно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психолингвистика сформировалась как самостоятельная наука в середине XX в., но до этого периода отдельные вопросы поднимались в рамках других отраслей. В психолингвистике применяются как психологические, так и лингвистические подходы, изучается речь человека, средства языка. В рамках психолингвистики изучаются механизмы порождения и восприятия речи, функции речевой деятельности, связи языкового развития с развитием личности и др.

Одним из наиболее исследованных и распространенных методов в психолингвистике является проведение ассоциативного эксперимента, основанного на изучении ассоциативных полей. Они представлены существующими в сознании человека связями одних предметов и явлений с другими. Ассоциативные эксперименты могут варьироваться для выполнения конкретных целей.

Ядерная зона ассоциативного поля «Счастье» и в РАС и в ЭАСПС представлена позитивными и нейтральными ассоциациями, тогда как в околоядерной и периферийной зонах появляются негативные реакции. В РАС негативных реакций больше. У жителей Приенисейской Сибири наблюдается тесная ассоциация «Счастья» с семьей, что демонстрируется во всех зонах. В обоих словарях распространены существительные и прилагательные, глаголы редки в составе реакций.

В нашем исследовании подросткам было предложено принять участие в свободном ассоциативном эксперименте. Было определено ядро, околоядерная зона и периферия ассоциативного поля «счастье» у подростков. Интерпретация полученных реакций свидетельствует о том, что счастье у большинства респондентов ассоциируется с радостью, различными вариантами досуга и отдыха. Примечательным является наличие реакций, связанных с учебой – ее наличием или отсутствием, друзьями, интернетом и различными социальными сетями и компьютерными играми. Полученные

данные свидетельствуют о том, что формирование и конститuanты ассоциативного поля «счастье» зависят не только от региона проживания респондентов, но и от их возраста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2-х т. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974. – 251 с.
3. Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1963. – С. 102–149.
4. Арутюнова Н.Д. Языка и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
5. Ассоциативный словарь Приенисейской Сибири. – Красноярск: Редакционно-издательский отд. КГПУ, 2014. – 255 с.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
8. Воронцова Е.А. Понятие визуальной картины мира [Электронный ресурс] // Аналитика культурологи: Электронное научное издание. – 2015. – Вып. 3 (24). – Режим доступа: <http://analiculturolog.ru/route/route.php?journal/archive/item/870-3-2.html>
9. Герас Ю.А. Когнитивная и языковая картина мира в лингвистической семантике // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – С. 140–144.
10. Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи // Жизнь науки. Антология вступлений к классическому естествознанию. – М.: Наука, 1973. – С. 206–210.
11. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396–405.

12. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Х.: Изд. Группа «РА – Каравелла», 2001. – 316 с.
13. Губмольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
14. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
15. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/>
16. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 157 с.
17. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
18. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 632 с.
19. Красных В.В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика. – Часть 1. – Тамбов, 2000. – С. 53–55.
20. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. Имп. Казан. ун-та. – Казань, 1883. – Т. XIX. – Январь-Апрель. – 148 с.
21. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.
22. Ладо Р. Лингвистика поверх культур // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – С. 34–35.
23. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 12–21.

24. Лисиченко Л.А. Структура языковой картины мира // Языкознание. – 2004. – № 5–6. – С. 36–41.
25. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
26. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1996. – 416 с.
27. Песина С.А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. – 2005. – С. 258–261.
28. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1992. – 132 с.
29. Планк М. Единство физической картины мира. – М.: Наука, 1966. – 284 с.
30. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, 2007. – 315 с.
31. Потеня А.А. Собрание трудов; Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
32. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 39–50.
33. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. – К.: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
34. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Наука, 1993. – 350 с.
35. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
36. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
37. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Академия, 2008. – 320с.

38. Штерн И.Б. Избранные топики и лексикон современной лингвистики. – К.: Артек, 1998. – 336 с.
39. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. – СПб.: Евразия, 1998. – 528 с.
40. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Т.1. – Ленинград, 1958. – 180 с.
41. Bousfield W.A. The Occurrence of Clustering in the Recall of Randomly Arranged Associates // Journal of General Psychology. – 1953. – No. 49. – P. 229–240.
42. Deese J. On Structure of Associative Meaning // Psychological Review. – 1962. – Vol. 69. – P. 33–39.
43. Deese J. The Structure of Association in Language and Thought. – Baltimore, 1965. – 147 p.
44. Edinburg Associative Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eat.rl.ac.uk/>.
45. Jung G. Studies in Word – Association. – NY: Routledge, 1919. – 575 p.
46. Kent G.H., Rosanoff A.J. A study of association in insanity // American Journal of Insanity. – 1910. – No. 67. – P. 317–390.
47. Kiss G.R., Armstrong C., Milroy R. and Piper J. An associative thesaurus of English and its computer analysis // The Computer and Literary Studies. – Edinburgh: University Press, 1973. – P. 86–119.
48. Russel W.A., Jenkins J.J. The complete Minnesota Norms for Responses to 100 Words from Kent-Rosanoff Word Association Test. – Minneapolis, 1954. – 85 p.
49. Thumb A. Experimentelle Untersuchungen über die psychologischen Grundlagen der sprachlichen Analogiebildung. – L.: Wentworth Press, 2019. – 92 p.